

Белозеров В. К. Политическое руководство Вооруженными силами Российской Федерации: институциональное измерение. М.: Издательский дом «АТИСО», 2011. 376 с.

Сегодня, в пылу страстей вокруг перспектив современного военного строительства, не так часто — и в России, и за рубежом — можно встретить монографию, проникнутую академическим спокойствием и духом классической науки, для которой первично *знание*, а не грант, интерес почтенной публики или другие мотивы. К такому редкому типу относится исследование Белозерова В.К. «Политическое руководство Вооруженными силами Российской Федерации», изданное под эгидой Ассоциации военных политологов и при поддержке Института политического и военного анализа.

Предмет изучения четко определяет теоретико-методологическую базу работы — неoinституционализм, поскольку механизмы политического руководства армией основаны не только на формальных установлениях, но и проистекают из представлений общества о войне, его традиций и исторического опыта.

За отправную точку исследования В. Белозеров берет основательно подзабытый широкой общественностью, но непреложный и важнейший тезис: вооруженные силы являются инструментом государственной власти, производной политической жизни. Именно поэтому они должны изучаться не сами по себе, но в контексте политологии, с применением соответствующего инструментария. А отсюда ученый определяет объект своего внимания как «организуемую органами государственной власти специфическую деятельность, направленную на создание, подготовку и применение вооруженных сил, поддержание их в определенном состоянии в интересах достижения политических целей» (С. 42–43).

Этот, казалось бы, очевидный и простой тезис (в очередной раз убеждаешься, что все гениальное просто) имеет большое прикладное значение. Он предоставляет нам инструмент как для сопоставления организационного развития вооруженных сил страны и эволюции политики ее руководства, так и для ограниченного прогнозирования результатов оборонной политики государства на основе комплексного анализа его целеполагания, конкретных шагов по достижению поставленных целей и *институционального дизайна* военно-политической системы.

Далее, В. Белозеров в своей монографии разбирает и сравнивает основные модели институтов политического руководства вооруженными силами, исторически сложившиеся на сегодняшний день в мире. И здесь он опять же берет за основу следующую классификацию: модель президентской республики (США), модель парламентской

Е
Ъ
И
Ж
Н
О
К

республики (ФРГ) и модель авторитарной республики (КНР). Такой подход вполне обоснован, ведь в современном мире конституционные монархии родственны парламентским республикам, а монархии абсолютистского типа и теократии являют собой редкие и нерепрезентативные явления. На этом фоне рассматривается российский вариант институционализации политического руководства вооруженными силами, опять же с учетом исторического опыта нашей страны. При этом, если в СССР модель институционализации военного управления строилась на принципах, свойственных авторитарной республике, то в сегодняшней России ее сложно соотнести с каким-либо из указанных типов. Даже вектор происходящего перехода не очень ясен, что видно хотя бы на примере отсутствия в нашей стране артикулированного понимания предназначения имеющейся регулярной армии.

Именно поэтому автор посвятил третью часть своего исследования концептуальным подходам к модернизации института политического руководства Вооруженными силами РФ. И здесь В. Белозеров не изменяет своей основательности — в первую очередь необходимо определить национальные интересы страны, их иерархию и критерии реализации, поскольку только они должны быть императивами для политического руководства Вооруженными силами. В нынешней России этого фактически не происходит.

Вот поэтому автор четко и жестко обозначает необходимость публичного (экспертного) контроля принятия властных решений в сфере военного строительства, лишения *силовики* их *монополии* на организацию института политического руководства армией, введения правил ответственности конкретных должностных лиц и, шире, представителей политической элиты (читай — открытых и понятных правил ее ротации). Непосредственно для процесса институционализации изучаемой сферы России требуется создание целостной иерархии доктринальных документов (разумно предположить, что такие документы не должны меняться каждые год-два), осуществление правовой регламентации политического руководства, обязательной для исполнения на всех его уровнях, а также выработка надежного механизма реализации политических установок. Вывод из этого таков: успешность трансформации политического руководства Вооруженными силами РФ зависит сегодня и от эффективной организации (реорганизации?) российских органов государственной власти.

В целом, монография В.К. Белозерова будет полезна и интересна отечественному интеллектуальному сообществу: от студентов, специализирующихся в сферах международных отношений и политологии, для которых эта книга будет еще и высококлассным пособием по научной методологии, до профессионалов-практиков, включая представителей политического истеблишмента. К слову, наличие визуальных материалов (схемы и таблицы) и *summary* после каждой из глав делает эту книгу максимально удобной для ознакомления даже в условиях ограниченного времени. 🐼

Павел Лузин

Мавланов И. Р. Экономическая дипломатия Индии в условиях трансформации мирового порядка. Т.: УМЭД, 2010. 362 с.

Стереотип о том, что сила и мощь государства сокрыты в его армии и вооружениях, а театр военных действий — это лучшая площадка для межгосударственного взаимодействия, утрачивает былую актуальность и присущий временам Карла фон Клаузевица циничный подход к войне. В современном мире, где правит глобализация, а интернет рушит барьеры на пути межцивилизационного диалога, государства все больше отвергают методы военной дипломатии.

После окончания холодной войны подавляющее большинство государств перешло к открытой рыночной экономике и либерализации мировых торгово-экономических обменов. Экономика приобрела центральную роль в дипломатических отношениях, а преимущества свободного рынка доказали очевидное — *дружить экономикой*

выгоднее, чем *воевать армиями*. Продвижение экономических интересов государства на внешние рынки — задача, которая в условиях глобализации приравнена к факторам обеспечения национальной безопасности. Безопасность в экономической сфере предполагает укрепление национальной конкурентоспособности, содействие технологическому развитию и инновационной деятельности, улучшение условий доступа на внешние рынки, привлечение в страну зарубежных инвестиций и технологий. Практическое решение этих задач возложено на такую область международных отношений, как экономическая дипломатия.

Концептуально-методологические особенности и тенденции развития экономической дипломатии в условиях трансформации мирового порядка рассматривает узбекский ученый И. Р. Мавланов в своей работе «Экономическая дипломатия Индии в условиях трансформации мирового порядка». Экономическая дипломатия — сравнительно новое научное направление в области международных экономических отношений и примечательно, что эта монография — одна из первых попыток комплексного и системного исследования проблем в данной сфере.

В работе анализируются основные концептуальные понятия экономической дипломатии, исследуются ее наиболее известные объекты: привлечение инвестиций, развитие торговли, продвижение официальной помощи развитию, обеспечение экономической безопасности и национальных интересов. Большое внимание, уделяемое в работе вопросам теории, обусловлено тем, что в научном и экспертном сообществе еще не до конца сложилось единое понимание предметной области экономической дипломатии и механизмов реализации национальных экономических интересов государств.

Общепринятой составной частью внешней политики большинства стран является переговорная дипломатия. Автор исследует модификацию традиционных видов дипломатии под воздействием новых трендов в мировой политике. На основе разработанной теоретической модели системы международных отношений ученый выделяет в ней несколько подсистем. Это подсистемы двусторонних, многосторонних отношений, региональных, межрегиональных, транснациональных организаций и подсистема новых международных структур. Взаимодействие и взаимозависимость этих подсистем, по мнению автора, оказывает определяющее воздействие на мировой политический и экономический процессы. Но центральной сферой этой системы исследователь считает двусторонние отношения и основных ее участников — государства.

В основе образования новых подсистем в международных отношениях лежат стимулы к экономическому сотрудничеству. Все участники, независимо от форм государственного устройства, стремятся *вкусить* преимущества свободного рынка, зачастую не до конца осознавая, что он может *поглотить* их. Усиление международной экономической конкуренции требует активного участия государства в продвижении и защите национальных интересов. Государственная поддержка в различных формах служит важным фактором успешной деятельности компаний, и страны в целом на мировом рынке. В данной связи показателен опыт Индии, который можно охарактеризовать как уникальный симбиоз участия государства и бизнеса в экономике. Во многом этот подход позволяет Индии претендовать не только на роль ведущей региональной, но и мировой державы.

Индия до независимости находилась под властью колониальных правителей, которые вели свободную экспансию в колонии под лозунгами невмешательства государства в экономику и свободную торговлю. Не контролируемый никем рынок привел к определенным *перекосам* в экономическом развитии. Период независимости характеризуется различной степенью и разными формами государственного участия в экономике. Сегодня главный акцент правительство страны делает на проведении политики импортозамещения, формировании ориентированной на экспорт экономики и постоянной либерализации и модернизации экономической деятельности.

ш ≈
Ъ ≈
И И
Ж ≈
≈ в
И О
≈ И

В 1991 г. в Индии была принята Новая промышленная политика. Она позволила выработать основные приоритеты модернизации отраслей экономики, направленные на большую свободу рынков, частного предпринимательства, открытость и интернационализацию экономики. Это означало переход к новой модели развития — экспортоориентированной. Примечательно, Индия — одна из немногих стран, где экономическая дипломатия получила свое институциональное закрепление. В стране действует целая система государственных институтов и организаций. Стоит особо выделить деятельность Департамента промышленной политики и развития министерства торговли и промышленности, Комитет по привлечению иностранных инвестиций, Секретариат по содействию промышленности и Совет по содействию иностранным инвестициям. Таким образом, опыт Индии подтверждает, что самая прочная позиция страны на мировой арене складывается в результате кумуляции положительных факторов всех форм и моделей экономической дипломатии.

Активное использование инструментов экономической дипломатии позволяет государству усилить свое политическое влияние на мировые процессы. Рост экономики, интеграция в различные экономические форумы и организации подтолкнули Индию к участию в региональных и межрегиональных структурах в сфере безопасности. Взаимодействии с ШОС, АСЕАН примеры вовлечения Индии в разрешение политических конфликтов.

Автор заключает, что трансформация мирового порядка привела к тому, что воздействие экономики на глобальные процессы усилилось. Экономика приобрела центральную роль в дипломатических отношениях и создала основу для формирования и развития новой междисциплинарной науки экономической дипломатии. Умение профессионально использовать методы и инструменты экономической дипломатии станет определяющим фактором развития государств в новых условиях глобального развития, считает автор. 🇷🇺

Галия Ибрагимова

Avner Cohen. The Worst-Kept Secret: Israel's Bargain with the Bomb. New York. Columbia University Press. 2010. 370 p.

Книги любого автора, регулярно публикующегося в *Foreign Affairs*, работавшего в разное время в Массачусетском технологическом институте и Институте мира США и в настоящее время являющегося старшим научным сотрудником в Центре исследований проблем нераспространения им. Джеймса Мартина однозначно заслуживают прочтения. Но, кроме этого, последняя книга Авнера Коэна «Секрет, скрываемый хуже всего: договор между Израилем и Бомбой» интересна еще по целому ряду причин. Начать стоит с того, что Коэн — один из ведущих специалистов по военной ядерной программе Израиля. Учитывая, что программа эта секретная и официальная информация по ней практически отсутствует, можно сказать, что он также — один из немногих специалистов в этой сфере. Сложно представить себе серьезную работу по израильскому ядерному вопросу, которая бы не ссылалась на его ставший классическим труд 98-го года «Израиль и Бомба». И вот 12 лет спустя Авнер Коэн представляет читателям свою новую книгу.

Хочется сразу отметить, что, в отличие от «Израиля и Бомбы», выход «Секрета, скрываемого хуже всего» обошелся без серьезных неприятностей для автора (в 1998 г. публикация привела к обвинению Коэна со стороны института израильской цензуры, после чего он, гражданин Израиля, испытывал сложности с въездом в страну). Но это не показатель низкого качества новой книги, «Секрет» является прямым продолжением работы 12-летней давности. И если «Израиль и Бомба» подробно описывал зарождение военной ядерной программы Тель-Авива и закончился описанием секретной ядерной сделки между президентом США и премьер-министром Израиля Голдой Меир в 1969 г., то «Секрет, скрываемый хуже всего» берет этот момент

за отправную точку и пытается ответить на вопрос: «что позволило принципу ядерной двусмысленности (*nuclear ambiguity*) настолько укрепиться как внутри страны, так и на международной арене?». Именно исследованию положения, при котором официальный Тель-Авив и израильское общество в целом не признают наличие ядерного оружия, несмотря на то что этот факт давно не является секретом, положению, которое Коэн называет *amimut* (неоднозначность, неопределенность на иврите), и посвящена эта книга.

Тематически работа разбита на десять частей. В первых трех — «Рождение двусмысленности» (*amimut* у Коэна), «Причины для двусмысленности» и «Ключевые решения» — автор во многом пересказывает и дополняет свою предыдущую книгу, четвертая часть — «Инфраструктура двусмысленности» подробно описывает механизмы обеспечения данной политики Израиля, включая механизм военной цензуры, знакомый Коэну не понаслышке. Но для Коэна, философа по образованию, этого недостаточно, ему важно влияние *amimut* на израильское общество. Это отношение раскрыто в трех следующих частях, показывающих, как рядовые граждане Израиля стали хранителями ядерного табу и какова стоимость *amimut* для демократического развития страны и системы управления. В этих частях подробно рассматриваются случаи отхода от политики двусмысленности отдельными гражданами Израиля. И если случай Мордехая Вануну, передавшего в 1986 г. фотографии израильских ядерных объектов журналистам, широко известен, то дело отставного бригадного генерала Ицхака Яакова 2001 г. показывает, что современный Израиль не менее ревностно реагирует на попытки развеять *amimut*. Для специалистов-международников наибольший интерес будет представлять девятая часть книги, в которой Коэн касается влияния политики двусмысленности на ситуацию с Ираном, Договором о запрещении производства расщепляющихся материалов и другие смежные вопросы.

В целом, для специалиста в области международных отношений (а именно для них, как и для специалистов по Израилю и самим жителям страны «Секрет, скрываемый хуже всего» предназначен в первую очередь) книга может показаться чересчур исторической, литературной и даже философской, с постоянными заходами в области общественного устройства. Часть написанного основана на косвенных данных (что неудивительно, учитывая деликатность рассматриваемого вопроса), часть на личных интервью автора и, конечно, не обладает стопроцентной достоверностью. В то же время именно работы Коэна заложили прочный фундамент под исследование военной ядерной программы Израиля и они по-прежнему не имеют аналогов. Кроме того, ядерная двусмысленность Израиля так глубоко укоренена в общем социально-политическом контексте еврейского государства, что полностью понять ее без полной картины вряд ли возможно.

Таким образом, книга однозначно рекомендуется к прочтению всем, кто хочет получить полную картину о ядерном оружии в Израиле и на Ближнем Востоке и его влиянии на общественные процессы. 🐘

Андрей Баклицкий

Deradicalizing Islamist Extremists. Angel Rabasa, Stacie L. Pettyjohn, Jeremy J. Ghez, Christopher Boucek. Published 2010 by the RAND Corporation — 1776 Main Street, P. O. Box 2138, Santa Monica, 214 p.

Тема международного исламского терроризма вновь приковала к себе внимание мировых СМИ в связи с ликвидацией идеологического лидера Аль-Каиды Усамы бен Ладена. Впрочем, для России, где борьба между радикальным исламистским подпольем и структурами федеральной и местной власти на Северном Кавказе уже несколько лет балансирует на грани локальной войны, данная проблематика вовсе не утрачивала актуальности. В совокупности эти факторы придают дополнительный накал

Е
Ъ
И
Ж
З
И
О
К

горячей и болезненной теме исламского радикализма и связанного с ним исламского экстремизма.

Вместе с тем борьба с экстремизмом и исламским радикализмом обладает рядом измерений и направлений, практически неизвестных широкому обывателю и не фигурирующих в повестке международных встреч, форумов и саммитов, однако от этого не теряющих своей значимости. Одним из таких направлений является дерадикализация, или перевоспитание сторонников радикальных исламистских взглядов. Именно эта проблема, представляющая подлинную *terra incognita* для среднестатистического российского читателя, оказывается в центре внимания авторов монографии *Deradicalizing Islamist Extremists*, выпущенной осенью 2010 г. коллективом авторов Research and Development Corporation (RAND), одного из самых авторитетных аналитических центров в США.

Углубляясь в изнанку проблемы международного исламского экстремизма и исламского радикализма, авторы исследования ставят перед собой достаточно амбициозные цели. Так, поднимается вопрос о том, какой формат деятельности предпочтителен на самом общем уровне — дерадикализация, то есть, по сути, перевоспитание сторонников радикальных взглядов, или принуждение приверженцев экстремизма к прекращению вооруженной борьбы. Однако вывод авторов о том, что прекращение вооруженной борьбы в отсутствие отхода от радикальных взглядов не может быть окончательным и гарантированным, а экстремистские группы в таком случае сохраняют возвратный потенциал, звучит достаточно предсказуемо.

Для эффективного отхода от радикальных взглядов необходимо разрушить несколько типов связи между радикальной исламистской группой и ее членом. Ключевой из них является идеологическая связь, наличие которой и выделяет исламских радикалов из числа прочих приверженцев радикальных групп, таких как секты, банды, культы. Авторы исследования не стесняются указывать на тот факт, что идеология исламского экстремизма своими корнями уходит в ислам как одну из мировых религий, вследствие чего основания, питательная среда радикализма не могут быть уничтожены окончательно, безвозвратно.

Одной из широко распространенных и состоятельных практик противодействия распространению экстремистской идеологии под видом религиозной доктрины является модель богословского диалога, разработанная в Йемене и активно применяемая в ряде стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Сущность данного подхода заключается в том, что власть привлекает лояльное исламское духовенство для общения с экстремистами с целью убедительного развенчания псевдоисламских идеологических конструкций. Описанная практика позволяет правительствам стран с преобладающим мусульманским населением решать одновременно две задачи — решать критически важную (например, для Йемена, Саудовской Аравии, Малайзии) проблему дерадикализации, в то же время укрепляя позиции того течения ислама, которое наиболее отвечает интересам правящего режима.

Однако, несмотря на относительную эффективность богословского диалога, значительную ему присущи недостатки и огрехи, способные свести на нет самую суть дерадикализации. Так, в некоторых странах Ближнего Востока, включая Саудовскую Аравию, меседж, адресуемый исламским экстремистам религиозным духовенством, сводится к недопустимости насилия в своей стране, на святой земле ислама. В то же время ведение вооруженной борьбы и иной экстремистской деятельности за пределами национальных границ признается допустимым, а нередко и поощряется. Результатом такого подхода становится не дерадикализация, а реканализация и экспорт доморощенного исламского экстремизма за рубеж — и в первую очередь в такие конфликтные регионы, как Ирак, Афганистан, Северный Кавказ, Кашмир. Характерно, что эта проблема до сих пор не решена — лидерам государств — невольных импортеров экстремизма не хватает рычагов для давления на ближневосточные правительства, которых, в свою очередь, сложившаяся ситуация в основном устраивает.

Принципиально иным подходом к дерадикализации руководствуются органы власти в европейских государствах. Власти в европейских странах не только избегают описанной выше модели богословского диалога, не будучи заинтересованными в утверждении какой-либо единой официальной версии ислама на своей территории, но и испытывают трудности с адекватным выбором представителей исламского духовенства, привлекаемых к программам дерадикализации. Кроме того, европейская дерадикализация не сфокусирована на перевоспитании уже состоявшихся исламских экстремистов и в целом, можно сказать, носит превентивный характер. Целевой аудиторией программ является мусульманская молодежь, обратившаяся к радикальным взглядам, однако еще не преступившая закон и не успевшая пополнить ряды активных экстремистов. Отдельную проблему европейской дерадикализации представляет размытость системы показателей, предназначенных для оценки воплощаемых программ.

Нельзя не согласиться с логикой авторов, выносящих в качестве отдельного объекта анализа коллективную дерадикализацию. Подобная практика обычно становится результатом масштабных и успешных акций властей против радикальных исламистских движений, в результате чего последние оказываются обезглавлены, а их члены в массовом количестве попадают под арест. Первоочередной задачей в данном случае выступает обработка поддающихся воздействию радикальных лидеров, а также изоляция неисправимых экстремистов. В противном случае все усилия по дерадикализации рядового состава группы оказываются тщетными, подобно борьбе с многоголовой гидрой.

Выводы исследования носят достаточно конкретный, прикладной характер, хотя и содержат почву для критики. Трудно упрекать авторов американского аналитического центра в чрезмерной ориентации на национальные интересы США. В этом смысле прагматичные и даже эгоистические рекомендации, предполагающие учебу США на чужих ошибках и расширение собственных возможностей за счет международного сотрудничества по дерадикализации выглядят достаточно уместными.

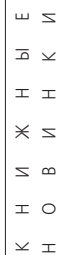
Вместе с тем не совсем логичен уход от поиска решений названной проблемы экспорта исламского экстремизма, которому прямо содействует риторика и программы дерадикализации в Саудовской Аравии и ряде других государств региона. Достаточно отметить тот факт, что одними из первых от такой практики страдают сами США, а также их союзники по иракской и афганской кампаниям. Кроме того, в выводах авторского коллектива отсутствует четкий ответ на вопрос о том, стоит ли США выстраивать собственные программы дерадикализации для Ирака и Афганистана. Наконец, при анализе богословского диалога авторы полностью опускают современную конъюнктуру данной проблематики, а именно беспрецедентное обострение шиито-суннитских противоречий в мусульманском мире и обусловленный этим рост экстремизма. Впрочем, часть высказанной критики может оказаться излишней, если учесть тот факт, что мы рассматриваем не всестороннее фундаментальное исследование, а монографию с достаточно узкими, инструментальными задачами. 🐘

Олег Демидов

Доминик Моизи. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 216 с.

Искушенного читателя наверняка заинтересует название книги. Ее автор — старший советник Института международных отношений Франции Доминик Моизи предлагает взглянуть на современный мир сквозь призму эмоционального восприятия.

Не отрицая значимости устоявшихся теоретико-методологических подходов к изучению системы международных отношений, автор книги предостерегает читателя от сугубо умозрительного осмысления процессов, происходящих на международной

арене. Причина тому — глобализация, сделавшая наш мир прозрачным, постоянно меняющимся и таким невероятно страстным. Не принимать это во внимание — значит пятиться назад, с каждым шагом отдаляя перспективу разрешения глобальных конфликтов современного мира.

XXI в., по замечанию Д. Моизи, можно смело назвать веком эмоций и поиска национальной идентичности, в котором ориентиром могут послужить эмоции, наполняющие сознание народа. Взяв за основу три разновидности эмоций — страх, унижение и надежду — автор старается показать нам эмоциональную картину мира. Выбранные эмоции в наибольшей степени связаны с чувством уверенности в себе. А что есть кризис самоидентификации, если не отсутствие этой самой уверенности?

При этом не следует полагать, что те государства находятся в большем кризисе собственного восприятия, которые однажды испытали унижение. По мнению автора, в какой-то степени унижение существует во всех культурах и обществах. Некая степень унижения может стать побуждением к социальному росту за счет тяжелого труда, что, как следствие, выведет народ на тропу здоровых эмоций, важнейшей из которых признается надежда.

Отказываясь от стремления к упрощению при международном картировании эмоций, автор окрашивает в более светлые тона эмоциональный фон в преуспевающей Азии, в более темные на Западе и почти черные в некоторых местах Ближнего Востока, Россию при этом он относит к трудным случаям.

Российский народ, переживший почти полную смену нравственных норм и ценностей, испытавший резкую и шокирующую потерю международного статуса страны, погружен сегодня в сложное переплетение эмоций. Согласно Д. Моизи, основанием для возрождения надежды и веры в будущее России могут послужить экономические факторы, победы в спорте, проведение Олимпийских игр 2014 г. в Сочи, популистские лозунги руководства страны о светлом будущем в 2020 г.

Однако способны ли сиюминутно испытанные эмоции радости и, отчасти, гордости перерасти в нечто большее? Беда эмоций в их кратковременности и непостоянстве. В отличие от них, чувства обладают отчетливо выраженным характером, устойчивостью и долговременностью, вызывает недоумение, почему автор с такой легкостью подменяет в своей книге эти два понятия?!

Практическая значимость эмоционального диагностирования, помимо предложенной автором возможности прогнозирования будущего, в большей степени заключается в том, чтобы поступательно формировать положительные эмоциональные установки в сознании народа. Здоровый экономический рост, стабильное социально-политическое развитие, верховенство права, постоянный и конструктивный диалог власти с обществом послужат залогом для зарождения чувства уверенности в себе и своем будущем, чувства гордости за страну, патриотизма и счастья.

Это тот рецепт, который поможет в борьбе с нестабильностью, конфликтностью и сверхэмоциональностью современного мира. Эмоции как положительные, так и отрицательные — могут стать мощным оружием в руках политических лидеров или их оппонентов. Народ, не обладающий внутренним стержнем, силой духа и не испытывающий положительных чувств к Родине обречен на роль марионетки в руках властвующих.

На международном уровне — последствия в разы страшнее. Эмоции (униженности, обиды, ненависти) являются базовым инструментом для осуществления международных террористических актов, разжигания межнациональной розни, обоснования обладания ядерным оружием в неядерных странах. 🐼

Лиана Когошвили

Винокуров В. И. История военной дипломатии. Военная дипломатия от Петра I до Первой мировой войны. М.: Инженер, 2009. Т. I. 392 с.

Винокуров В. И. История военной дипломатии. Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами. М.: Светлица, 2010. Т. II. 640 с.

Автор фундаментального исследования по истории военной дипломатии, Владимир Иванович Винокуров, не случайно заинтересовался данной темой. В.И. Винокуров много лет отстаивал интересы России на *военно-дипломатическом фронте*, будучи на военно-дипломатической службе в Дании (1971–1975, 1980–1983) и Латвии (1994–1999). Это объемный труд, который автор писал в течение 10 лет. В свет вышли два тома *Истории*, готовится к изданию третий.

Первый том охватывает период со времени правления Петра I до Первой мировой войны. Собственно приход Петра к царствованию и ознаменовал начало становления военной дипломатической службы в России. Изначально вопросами дипломатии занимался Посольский приказ. Однако, по возвращении из Великого посольства 1697–1698 гг., Петр начал реформировать государственный аппарат. Вместо приказа сначала появились Кабинет и Походная посольская канцелярия, а затем Коллегия иностранных дел, которая юридически положила конец существованию Посольского приказа.

Петр вел много войн, и русским дипломатам приходилось решать задачи по непрерывному и оперативному добыванию сведений о военном, политическом и экономическом положении иностранных государств. Такие условия привели к появлению предпосылок создания института военных и военно-морских атташе.

Полноценные органы военной дипломатии появились только в 1863 г., когда Александр II утвердил Положение и Штаты Главного управления Генерального штаба. Постепенно происходило его расширение и увеличение числа агентов. Всего к концу XIX в. Россия располагала военными атташе в 18 мировых столицах, а также морскими агентами в 10 странах, что способствовало дальнейшему развитию военно-дипломатической службы.

История военной дипломатии — это еще и история в лицах. Со страниц книги мы узнаем о выдающихся личностях — Адаме Вейде, первом русском офицере — военном атташе, которого считают предвестником русской военной дипломатии, светлейшем князе Александре Чернышеве, князе Александре Долгоруком и многих других.

Особый интерес вызывают приложения, в которых содержатся краткие биографии лиц, составляющих славу военно-дипломатической службы России, списки российских военных дипломатов, аккредитованных при дипломатических представительствах России за рубежом в период с 1893 по 1916 г. (прил. 4). Приведены также инструкции военно-морским агентам (прил. 10), проект общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу (прил. 9). Таким образом, автор предоставил вниманию читателей подборку архивных материалов, найти которые в одной книге раньше не представлялось возможным.

Второй том посвящен началу новейшего периода в истории военной дипломатии, основное содержание которого характеризуется борьбой двух систем — капитализма и социализма — и обострением международных противоречий.

Рождение советской дипломатии, тайная дипломатия в предвоенные и военные годы, учреждение института военных атташе, создание Отдела внешних сношений, деятельность абвера в странах Балтии, превращение дипломатического аппарата Германии в орудие шпионажа, деятельность советских дипломатов в период Второй мировой войны и многое другое изложено в деталях на страницах данной книги.

В приложениях ко второму тому содержатся интереснейшие телеграммы глав военных миссий, политические обзоры, доклады, подготовленные военными атташе, записи

ш ≈
ъ <
и и
ж ≈
≈ в
и о
< и

заседаний и бесед таких выдающихся личностей, как К. Е. Ворошилов, П. А. Коротких и Ж. Думенк.

Системный подход к исследованию позволяет автору представить материал на высоком научно-теоретическом уровне с использованием ясного и доступного языка. Таким образом, цель, которую поставил автор в своем исследовании — воспроизвести реальную картину становления и развития военной дипломатии — можно считать достигнутой. Автор дает много ссылок на достоверные источники, архивные документы и материалы, что обеспечивает беспристрастность и правдивость исследования.

Последовательность повествования, приведение ранее неизвестных фактов и наличие обширного справочного материала отличают данную работу от многих других многотомных изданий.

Недоработки связаны главным образом с комплексным характером труда: охвачен и исторический, и современный этапы развития военной дипломатии. В рамках исторического характера книги существует необходимость освещения соответствующего категориально-понятийного аппарата.

Издание сориентировано на руководителей федеральных органов исполнительной власти, депутатов Федерального Собрания Российской Федерации, сотрудников государственных внешнеполитических структур, а также студентов, изучающих международные отношения, внешнюю политику и дипломатию. Оно поможет лучше понимать механизмы взаимодействия военной дипломатии и официальной дипломатии, их связь с военной и военно-политической обстановкой, в которой эти службы являются одними из основных средств внешней политики. 🐾

Маргарита Колесниченко